

Стилистика и риторика: заострение внимания на медиальных дискуссиях о беженцах¹

OLGA ORGOŇOVÁ – ALENA BOHUNICKÁ
(Bratislava)

Отправной точкой наших рассуждений о современном отношении стилистики и риторики является понимание стилистики как интерактивной дисциплины, занимающейся способами образования и восприятия вербально-невербальных выступлений и образование их последовательной цепи в тексте и контексте (людей, среды, времени и других обстоятельств), а также понимание риторики как искусства хорошо и убедительно выражаться в частных и общественных ситуациях.

Описываемая область сама по себе предполагает относительно широкое проникновение или родственность данных дисциплин о создании правильных языковых выражений и их использовании в речи. Как предполагает J. Kraus, риторика близка не только стилистике, но и языкознанию в общем, при этом соприкосновения с языкознанием интенсифицируются в прямом соответствии с усилением прагматизации лингвистики, начиная с 60-ых годов прошлого века, то есть с ориентацией учёных на применение языка в реальной коммуникации людей, находящихся в конкретной среде (не только географической, но и социальной, и культурной). Дру-

---

¹ Статья выполнена в рамках решения грантового проекта Министерства образования Словацкой Республики VEGA № 2/0011/15 «Язык в социальной культуре».

гими словами, актуальная констатация связи искусства красиво выражаться с наукой, описывающей языковые структуры, связана также и с расширением границ от традиционного «внутрилингвистического» взгляда на предмет исследования (язык как отлаженный инструмент коммуникации и познания) к междисциплинарному взгляду на речь человека как атрибут «индивидуальной структуры в динамике поведения» (Nakonečný 2009: 25), и социально отнесённого субъекта с культурной идентичностью (сравни Nakonečný 2009: 14–82; Kraus 2004: 21–29). Благодаря исследованиям и познаниям этнологов (Geertz, Harris и другие) и этнолингвистов (Sapir, Whorf и другие), лингвисты, начиная со второй половины XX столетия, осознают всё более, что язык – это не только средство объяснения и понимания, которое учёный должен уметь лишь в совершенстве описывать и моделировать из него ясные структуры с гомогенными рядами средств и правил их правильного функционирования. Язык, по мнению прагматически ориентированных философов языка вспоминаемого периода (Austin, Searle или Wittgenstein), – реальность, он не только обратно репродуцирует, но и констатирует состояние реальности сквозь призму большинства наблюдателей с различных точек зрения, но задействован и в процессе мысленного проектирования фиктивной или реальной действительности, включая действия самого себя и иных, то есть имеет не только назначение констатации, но дополнительно перформативный («деятельностный») и конструктивный («творческий») размер². Данным направлением (в основном американская и западноевропейская) лингвистика квалифицирует себя в последние десятилетия в качестве дисциплины, которую интересует более экзактный анализ связного (особенно письменного) монолога на звуки, формы, конструкции предложений или более широкие текстовые коллокации, необъективированная и приближительная интерпретация смысла речевого взаимодействия участников диалога как элемента их сосуществования в континууме коммуникантов в рамках определённых частей реальности – дискурсов, причём не только обще-

---

² Вопросы т. н. «социального конструктивизма» исследуют в 90-е годы в своей работе P. L. Berger и T. Luckmann (1999), при этом обращают внимание на то, что реальность является переменчивой, поддерживаемой властями конструкцией, базирующейся на «коллективном сознании» определённого общества, с ним же возникающая и погибающая. Данную мысль развивает M. Vošák, дополняя, что образование (репрезентация) реальности не происходит (примарно) на уровне индивидуального субъекта, но всего общества. Реальность является переменчивой, зависящей от власти конструкцией, «коллективным сознанием» определённого общества, возникающей и исчезающей вместе с ним (Vošák 2010).

ственной, но и повседневной жизни. Наполнение подобных амбиций предполагает, естественно, сосредоточение лингвиста не только на тексте или языке / речи как объекте исследования, но и на участниках коммуникации и обстоятельствах, в которых вербальная интер(акция) происходит. Целью подобных исследований (известных, например, и по анализам разговоров – сравни, например, Garfinkel или дискурсивных анализов – сравни Fairclough, van Dijk) является не только понимание текста, но главным образом понимание человека, использующего данный текст, то есть ответ на воображаемый вопрос, почему и с каким умыслом именно так формулировала своё выступление данная личность. Если после данного экскурса мы вернёмся назад к более узкому взгляду на актуальную стилистику XXI века как на часть междисциплинарной науки об использовании языка в культурном виде социума и его сегодняшних членов, стилистика предстаёт пред нами в качестве интеграционного пространства спектра смежных дисциплин на границе с социологией, психологией, этнологией, прагматикой и т. п. (сравни Hoffmannová 1997: 127; Slančová 2003: 207–223), амбицией которой является не только «пассивное» описание реальности в соответствии с определёнными селекционными и композиционными правилами классического стилиобразующего процесса, но сверх того и с пониманием взаимодействия со сверхсовременным (индивидуалистическим и космополитическим) человеком эпохи глобализации, с его деятельностью и высказываниями, и, таким образом, оперативно создавать ситуативные «картины» коммуникационных актов, происходящих в конкретном пространстве и времени, а также на основании опыта предыдущих взаимодействий и комплекса прагматических знаний об их связях, последствиях или возможных эффектах антиципационно вступать в процесс проектирования дальнейших предполагаемых и вероятных целей и самих актов взаимодействия, во имя предотвращения непонимания между людьми в повседневных, родственных или дружеских отношениях, а также и между индифферентными партнёрами или случайными соучастниками общественной коммуникации.

Поэтому не удивительно, что в обозначенном профиле интерактивная стилистика (ориентирующаяся не только на текст, но и на человека как творца, реципиента и интерактанта) оказывается в тесном контакте с риторикой, причём не только с классической, но одновременно и с её

неориторическим подобием³. Сильным связующим звеном и объектом исследования обеих анализируемых дисциплин является *диалог* как эпицентр интереса не только прагматической лингвистики и интерактивной стилистики, но и резонирующее понятие риторики. В современной, главным образом, в качестве (словами Бахтина) «полифонического жанра» (срав. Šmejrková, Hoffmannová 2012: 263–284), который объединяет в пространстве и времени различные речевые высказывания, образуя таким образом пространство для взаимодействия мнений, знаний, оценок различных участников. Другими словами, речь идёт о явлении с *интертекстуальным* потенциалом (*интертекстуальный диалог*), при котором встречаются – аффирмативно или конфронтационно, синхронно или последовательно – вербальные высказывания или другие коммуникаты на общую или близкую тему. В более узком понимании *диалог* находится в оппозиции к монологу, когда речь идёт о перемежающихся репликах нескольких речевых партнёров, образующих постепенно комплексный текст. В данном случае речь идёт о т. н. *interlokučnom* (*непосредственном, прямом*) *диалоге* (Kraus 2003: 105–110). В современной риторике, понимаемой как практическая наука речи, оба вспоминаемые виды диалога расширены и эффективно используются.

Если рассматривать риторику последовательно, от её первоначального (классического античного) вида, особое внимание вызывает линия греческой постстоицистической (не цветистой) версии Аристотеля (384–322 г. до н. э.), работающая с *аргументами* (с целью убедить адресата политической речи, доказать правду в суде или воздействовать на реципиента торжественной речи). Применения приёмов аргументации является ещё одним связующим звеном риторики со стилистикой (в рамках построения, композиции текстов).

---

³ Неориторику относим ко второй половине XX столетия и связываем её с работами практических философов, занимающихся наблюдением над функционированием естественного языка в интеракции, между иными речь идёт о работах английского философа S. Toulmina об аргументации в диалоге с точки зрения этических аспектов (Toulmin 1964), немецкого философа H. G. Gadamera, наблюдающего за эмергентным формированием интеракции и влиянием на данный процесс традиций, или немецкого социолога и философа J. Habermasa, автора теории «коммуникационного поведения», которое противопоставляется «стратегическому» поведению (ориентируемому исключительно на интересы говорящего). «Коммуникационное поведение» включает общественные интеракции, в которых участники кооперативно координируют свои интересы с интересами партнёров по речи (сравни Kraus 2004: 40; Habermas 2011).

Диалог и использование в нём аргументов мы подвергаем практическим интерпретациям в попытке как можно более основательно исследовать участие обеих дисциплин – лингвистической стилистики и риторики – в толковании успешных, подходящих, впечатляющих, назабываемых,... коммуникатов в интересах страны и понимания между людьми. Материал для исследования (тексты) черпаем в области, воспринимаемой нами в качестве одной из доминант общественной коммуникации, а именно в сфере публичной дискуссии. Таким образом, мы сосредотачиваемся только на одном из «видов» ораторства из трёх (в понимании Аристотеля), конкретно на совещательной речи, причём судебный и торжественный (эпидейктический) вид речи здесь не подвергаем конфронтации с аутентичным речевым материалом. То, что мы считаем в теории Аристотеля необычайно близким нашему сегодняшнему пониманию, это не только типология видов речей (признаваемая в различных современных риториках по сей день), но и понимание Аристотелем аргументации. Аристотель ясно отличает риторическую методологию от логической, причём продукты логической индукции (полную или репрезентативную эnumerацию) заменяет примером (греч. *paradeigma*) – например фактом, сравнением или происшествием (*историей*) (сравни Heindrichs 2010: 155), а при дедукции работает с энтимемой, то есть с неполным силлогизмом с одной посылкой (вместо логического силлогизма с двумя посылками). Поскольку Аристотель ясно отличал риторику как «искусство» (*techné*) от диалектики как «теории познания» (*epistimé*), причём для ритора не важно целостное познание, но лишь то, что в основном правдоподобно. Риторическая энтимема, с одной стороны, не столь экзактна как аргументация посредством логики высказываний и её силлогизмов, с другой стороны, более близка естественной ментальной работе большинства людей (а не только элитарной части логиков). Кроме того, в отличие от умозаключений путём категорических силлогизмов с высокой мерой эксплицитности выражений (когда целью логической аргументации является обоснование уже известного и всегда действительного⁴), риторическая аргументация приводит к новым, иногда удивительным, заключениям (Kraus 2004: 63–68; Conley 1990: 13–17). Данный дефференцированный взгляд на

---

⁴ J. Heindrichs (2010: 144) иллюстрирует данную «стагнацию» познания на традиционном (Аристотеля) примере «нудности» силлогизма с двумя посылками и последующим необходимым заключением: 1. *Всякий человек смертен*. 2. *Сократ — человек*. 3. *Заключение: Сократ смертен*.

методы риторики, разумеется, не встречался исключительно с признанием. Платон остро его критиковал, в том смысле, что он не опирается на «знание» (*epistémé*), но только на «мнение» (*doxa*) и на неопределённые моральные суждения (Kraus 2004: 26). С другой стороны, теорию Аристотеля высоко оценивают вышеупомянутые неориторы и антиформалисты (Toulmin и другие), констатирующие, что риторическая аргументация не имеет целью обосновывать излишне сложным способом информацию уже известную⁵, при которой все люди сходятся в одном мнении, её целью является открытие для аудитории чего-то нового. Таким образом, в неориторической теории аргументации, подобно как и в риторике Аристотеля, в отличие от работ, основанных на формальной логике, процесс аргументирования считается составляющей дискурса⁶, вербальная сторона которой представлена естественным языком, то есть языком, характеризующимся приблизительностью, образностью (метафоричностью) и, более широко, многозначностью, полисемантической как нормальными проявлениями, не девиациями. В подобных коммуникатах перераспределяется нагрузка ментального усилия участников коммуникации, а с активного естественного (ментально нормального) участника речи потенциальная нагрузка переносится на «пассивного» наблюдателя, интерпретатора, который в интересах наилучшего понимания речи и личности говорящего принуждён обратиться к такому способу восприятия речи, как инференция – умозаключениям, формируемым участниками коммуникации в процессе интерпретации получаемых сообщений, то есть по сути делать выводы из недосказанного. Сама риторическая аргументация при этом тоже не

---

⁵ Это не означает, что участники современной общественной коммуникации (например, политической) не используют в своей практике и силлогизмы, то есть инструменты категорического мышления. Например, J. Heindrichs иллюстрирует принцип аргументации посредством двух правдивых посылок, из которых однозначно выводится правдивое заключение, на примерах политических кампаний. Сравни силлогизм как инструмент аргументации при нападках на политического оппонента: 1. Все либералы настаивают на высоких налогах, которые потом растранижируют. 2. *Мой оппонент либерал*. Заключение: Мой оппонент настаивает на высоких налогах, чтобы потом имел что транжирить (Heindrichs 2010: 144).

⁶ По словам J. Hoffmannovéj, дискурс – это «интегрированное единство текста и контекста» (Hoffmannová 1997: 8). Речь идёт таким образом об комплексном отрезке действительности в определённый период времени, в котором друг за другом следуют высказывания участников, отнесённые к конкретной ситуации (к среде, к эпохе, условиям бытия). Исследования дискурса не связываются с определённой конкретной дисциплиной, но реализуются в рамках различных гуманитарных и социальных наук, и риторика рука в руке со стилистикой и лингвистикой таким образом интегрируются в процесс трансдисциплинарного познания социальной деятельности человека.

обязана основываться на доказательных знаниях. Вместо этого в ней отражаются аксиологические позиции, оценки, либо преследуются (личные или групповые) интересы. Как показывает далее интерпретируемый материал под подобной аргументацией будет подразумеваться последовательная цепочка высказываний, ведущая не к правде и правильности, но то в направлении консенсуса, то к конфронтации с партнёром по коммуникации (либо с аудиторией) (сравни Hoffmannová 2003: 44–63; Kraus 2004: 31). Впрочем, в (нео)риторической аргументации допускается – как и у Аристотеля – отсутствие посылок (в случае если они ясны из контекста, или если они спорны), и на повестку дня выносятся (в риторике, и, например, в лингвистической прагматике) концепт имплицитности высказывания, а вместе с ним и потребность реципиента домыслить несказанное, то есть делать эксплицитными неясные пассажи текстов.

Надёжность обозначенных теоретических отправных точек проверим на последующей интерпретации отрывков из актуальных диалогов простых людей (дилетантов, непрофессионалов) в дискуссиях на тему беженцев из Сирии в Европе на веб-страницах словацких газет. Данную «локализацию» публичной дискуссии простых людей мы выбираем с целью избежать соприкосновения с экстремной техникой убеждения, связанной с дискуссиями известных персон по типу «ток-шоу» в средствах массовой коммуникации. Медиальные «гладиаторские игры» (=дискуссионные передачи приглашённых политиков с модераторами, или с представителями других политических субъектов для широкой общественности (сравни Šmejrková 2003: 80–115; Orgoňová, Bohunická 2009: 38–47) однозначно минимализируют классическую платоновскую цель риторической дискуссии, то есть рассуждение, но выводят при этом на передний план «битву за победу» с целью повысить свой статус у публики, не гнушаясь нелогическими (хотя и забавными, разжигающими эмоции публики) приёмами *politainmentu* для приобретения симпатии аудитории (сравни Šmejrková 2003: 80; Heinrichs 2010: 181; Kraus 2004: 61).

Публичная дискуссия на тему беженцев в Словакии характерна тем, что сама тема воспринимается общественностью как крайне чувствительная, с потенциалом пробуждения радикальных проявлений. Ввиду этого некоторые ежедневные издания в их интернет-версии ограничивали возможность дискуссии ко всем статьям с темой беженцев (например, газета «Sme»). В газете «Pravda», которая оставила своим читателям в интернет-

версии возможность высказываться в комментариях к статьям с проблематикой беженцев, комментаторы почти в унисон заняли анти-иммиграционную позицию. Именно на данную аргументацию, в которой доминирует чужеземный аспект, направим наше внимание. В данной аргументации в качестве основного мотива выступает мотив самосохранения – ориентация на сохранение себя самого и своего вида. Таким образом маркированную аргументацию можно воспринимать в качестве реакции на чувство неуверенности, возникающее в конфронтации с новой, чужеродной реальностью, которую представляют иммигранты для словаков. В результате данного чувства неуверенности образуется охранный реакция – и вербальная в том числе, в образе аргументации как разума, так и эмоциональных выпадов и словесных атак – целью которой является самосохранение. В конкретных случаях речь идёт в основном о высказываниях, имеющих потенциал вызвать переходящие в страх опасения, пренебрежение, отвращение, а также и агрессию.

На вербальном уровне прослеживается главным образом присутствие множества аргументов, основанных на гиперболизации негативных последствий (т. н. *аргументации пугалом*). Преувеличение с целью портретирования беженцев как угрозы с ликвидационными последствиями для словаков опирается на определённые, типичные мотивы: криминал, религия, власть, экономика, здоровье. На основании этого создаются определённые схемы-стереотипы восприятия беженца. Наиболее выразительные из них следующие:

– Угроза населению: общественная аргументация опирается на выразительный стереотип иммигранта как члена многочисленной семьи и укрепляется мнение, что каждый из иммигрантов приведёт за собой остальных членов семьи, в результате чего коренное население окажется в меньшинстве или исчезнет вовсе: «[...] *okrem toho majú právo po získaní azylu si pozvať rodinných príslušníkov – takže to máme z 1500 utečencov odrazu 3000 až 5000 utečencov, ktorí po získaní azylu zase majú právo si zavolať ďalších rodinných príslušníkov!*»; «*Problém je však s kvótami v tom, že sa nehovorí o tom, že imigrantov smerujúcich do EÚ je 6 000 000 miliónov! A podľa kvót EÚ by teda na Slovensko mohlo prísť viac ako 100 000 imigrantov!*»; «*keď idete do Paríža, máte pocit, že ste v Afrike*»; «*už roky to vyzerá v západnej Európe ako na africkom trhu*». Составляющей является выбор

лексем, интенсифицирующих массовость: *invázia moslimov, sťahovanie národov*.

– Экономическая угроза: выразительным элементом непрофессиональной аргументации является стереотип беженца как иждивенца, «*poberača výdobytkov sociálneho štátu*»; „[...] *v Eurype je super [...] a ešte im dáme tlmočníkov, žrádlo, autobusy, prádlo, ubytovanie, teplo [...] internet, mobily [...] všetko padá samo z neba [...] nič netreba robiť [...] a my blbci, ktorí robíme a platíme dane [...] nechápeme*»; «*vraj, čoby som nešiel do Európy, však nech mňa tí neverci živia [...] bol to opis nejaké letáku, ktorým vyzývali, aby ľudia migrovali do Európy, že tu dostanú všetko, čo si zažiadajú, aj oni ľúbia komfort a konzum [...] Ak opomenieme iné dôvod, tak sem idú za bezpracným, ľahkým životom*»; «*Utekám pred vojnou, aby som si zachránil holý život a hneď cez pol sveta do Nemecka, kde sú najštedrejšie sociálne dávky*». Поскольку в СМИ часто появляется информация о том, что между беженцами есть и врачи, инженеры, специалисты в области компьютерных технологий, студенты вузов, к словацкому аргументационному фольклору прибавляется и иронизация профессионального статуса беженцев: «*Zase sú tu tí inžinieri, inžinieri, čo sa pobili v nemeckom tábore*».

– Угроза безопасности – в качестве наиболее выразительного из всех в аргументах простых людей выступает стереотип беженца-насильника, преступника, террориста, который сверх того усиливается выбором эмоционально-оценивающей лексики (в речах политиков подобные стереотипы, разумеется, представлены менее): «*[...] keď im neschvália žiadosť o azyl... budú sa snažiť prejsť inde... a z čoho budú cestou žiť??? Budú kradnúť..demolovať..vybíjať si zlosť*»; «*...keby neohrozovali starousadlíkov, keby nevraždili, neznásilňovali, nelúpili, tak tie tzv. extrémistické strany by neboli populárne svojim programom, ktorý tomu chce zabrániť. »*; «*robia len, čo sa naučili doma – a to bordel. Etnická, náboženská a kmeňová neznášanlivosť, to ich charakterizuje*»; «*Zatiaľ sú to len kukly zahalené v burkách, z ktorých sa vykľujú špéočkovo vytrénovaní teroristi*»; «*uvedomujeme si, že so sebou títo ľudia priniesli do Európy svoje problémy, predsudky, nenávisť a primitívnu agresivitu, na ktorú už nie sme zvyknutí?*»

– Угроза здоровью: в сравнении с вышеописанными, стереотип беженца как источника неизлечимых болезней менее выразителен, но всё-таки регулярно встречается. Кроме того, данный стереотип поддерживает и частая демонстрация персонала, работающего с беженцами. С защитными

масками на лицах, что вызывает страх перед неизвестными болезнями: «*prinášajú choroby, o ktorých nemáme ani predstavu, ako ich liečiť*».

– Угроза духовным ценностям: аргументация простых людей использует также стереотип беженца-варвара, угрожающего ценностям европейской цивилизации в области прав человека и в области религии: «*ich hodnoty sú úplne inde, homosexuálov zabijajú, ženy sú pre nich nič iné ako zvieratko*».

В данной аргументации играют важную роль оппозиционные оценивающие концепты *bezpečnosť / istota – nebezpečenstvo / kriminalita; tolerancia – násilie / agresivita; civilizovanosť – primitivizmus; kresťanstvo – islam; pracujúci – príživní*. Они выступают в качестве атрибутов, связанных с коллективами, поставленными данной аргументацией в положение крайней оппозиции: *Európania – imigranti*. Объяснение того, как противоположные концепты действуют в процессе умозаключений и практической аргументации, находим в классической риторике Аристотеля в рамках рассуждений о энтимемах, в котором он конкретно вычленяет *противоположные энтимемы* (Aristoteles 1980: 146–147). Для определения энтимемы как особого случая силлогизма важно то, что логика аргументации не оценивается в соответствии с критериями логического силлогизма, а акцептируется её отличительное качество, заключающееся в том, что выводы основываются на вероятности, правдоподобности. Как говорит Аристотель: «Оратор не должен создавать суждения обо всём, что считает правдивым, но лишь об определённых вероятностях» (Aristoteles 1980: 144). Основным образующим элементом энтимем являются т. н. топосы, общие места, типичные связи и соответствия, метким является термин Аристотеля *общий взгляд / mia catholoy hypolēpsis* (Aristoteles 1980: 145), предполагающий всеобщую акцентацию явлений и связей, на которые опирается данная аргументация. В нашем случае дискутирующие стороны защищают своё убеждение в том, что иммигранты представляют угрозу для Европы и европейской цивилизации как таковой (сравним с высказываниями, которые представляют непосредственное убеждение в неизбежности гибели: «*ulovili ďalšie duše do satanského plánu rozvrátenia Európy*»; «*je mi ľúto, ale Európa, ako sme ju poznali, skončila. A je len na nás, čo si dokážeme ešte z toho nášho života zachovať, inak nás prevažujú*»; «*zaslepenosť západu privedie Európu do hrobu*»; «*je to jasné, že čoskoro s nami bude koniec v našej vlastnej krajine*»). Отправной точкой для подобных повседневных констатаций являются именно типичные, всеми акцептируемые взаимо-

связи (*imigranti sú kriminálnici, násilníci, príživníci* и подобные, вышеупомянутые), на основании которых приходят к противоположной энтимеме: *ak imigranti predstavujú hrozbu, ich odmietnutie, neprítomnosť zabezpečí stabilitu*.

Легитимность подобных аргументов, основанных на угрозах, ещё более подчёркивают дискутирующие индикаторами коллективности, сигнализируя, что для них не так важны собственные интересы, как интересы общие: Европы, словацкого народа, Словакии. При этом в данной аргументации, основанной на оппозиции *Európania / Slováci vs. imigranti*, слышны и реплики, свидетельствующие о том, что естественной частью целого, общего, словацкого являются и члены национальных меньшинств, рождённые в Словакии, что для словацкого дискурса, в котором отношения национального большинства и национальных меньшинств были до сего дня крайне напряжены в результате политизирования, является новым и важным мотивом. С точки зрения идей интересно и то, какое значение играет религия в аргументации рядовых граждан. И хотя правительство использует при аргументировании в отношении отказа от обязательных квот религиозные мотивы (желание принять только сирийских христиан), в аргументации рядовых граждан и широкой публики христианство пока что не было выразительным знаком, который бы словаки в своей аргументации воспринимали как совместный общий идентификационный знак и демонстрировали бы им свою групповую идентичность «мы» в противоположность иммигрантам – и это несмотря на то, что религиозный мотив является ключевым при интерпретации и восприятии идентичности «этих чужих», которых все упрощённо представляют и упоминают как «исламистов».

Аргументация, основанная на вызывании страха в вопросе беженцев, логично переплетается с аргументами, в основе которых лежит незнание или игнорирование фактов (*argumentum ad ignorantiam* и аргументации с неполными данными). Например, в связи с опасениями аргументирующих перед болезнями, которые могут иммигранты принести в Европу, «Denník N» публикует разговор со специалистом по тропическим болезням, профессором Владимиром Крчмери, который на основании фактов – обследований, произведённых у беженцев из Сирии, Ирака, Афганистана, – утверждает, что абсолютно никаких смертельных тропических болезней сегодняшний поток беженцев в Европу не принесёт. В диалогах на тему

беженцев, которые конфронтационно развиваются (на фейсбуке), наивысшую фреквенцию имеют личные нападки и выпады (*argumenty ad hominem*). В их рамках было бы целесообразно вычлени́ть риторическую стратегию «ярлыков» – причисление оппонента к определённой группе, чем его негативные свойства возрастают (что можно считать сегодня стандартной составляющей интернетовой дискуссионной культуры на любую тему). В проблематике беженцев при этом постоянно фигурируют стилемы, изображающие группу защитников беженцев с анти-иммиграционных позиций весьма и весьма насмешливо (*slniečkari, moralisti, neskúsení, naivní*). С другой стороны, в контраргументации (а аргументацию, защищающую беженцев, можно считать лишь репликацией на доминантный дискурс против беженцев) защитники иммигрантов категоризируют своих противников, главным образом, двумя типами стилем: содержащим эмоционально-оценочный компонент страха (*rasisti, neonacisti, extrémisti*), либо выражающим презрение (*tí s klapkami na očiach, obmedzení, menej rozhl'adení*)⁷. Данный топос словацких дискуссионных форумов разбирает в своём публичном выступлении в парламенте как ключевую проблему общесловацкой дискуссии президент Андрей Киска, выступающий против правительственного отказа от квот, апеллирующий за гуманный подход при решении иммиграционного кризиса, и обращающий внимание на тот факт, что в Словакии «Инстинкт человечности обвиняют в наивности, а с другой стороны часто и нормальный естественный страх наших граждан по непонятным причинам получает ярлык ксенофобии и экстремизма»⁸.

Аргументация дилетантов в дискуссионных форумах является не только *interlokučným* (непосредственным) диалогом, но одновременно и диалогом интертекстуальным, поскольку очень сильно связана с ежедневной прессой и выступлениями политиков. Аргументы и факты, которые мы видим в интернет-дискуссиях, в значительной степени являются репродукцией и интерпретацией аргументов, произнесённых в выступлениях политиками или комментаторами. Это является причиной того, что типичной

---

⁷ В рамках аргумента *ad hominem* типичной составляющей словацкой дискуссионной интернет-культуры (не только на тему беженцев) нападки на языковые знания оппонента. Если его реплика содержит языковую ошибку, противник не может устоять перед возможностью выразить сомнение над его правдивостью и выпадом типа *Nauč sa po slovensky – není naše kultúrne dedičstvo*.

⁸ <https://dennikn.sk/261940/prezident-kiska-ukazme-v-uteceneckej-krize-srdce-a-charakter-cely-prejav/>

риторической стратегией становится не ссылка на авторитет / организацию (классический латинский *argument ad verecundiam*), но постановка оппонентом под сомнение и в смешное положение источник, если он транспарентный и легко идентифицируемый. Это можно наблюдать в словесной перепалке участников форума на фейсбуке в отношении представления источника, обращающего внимание на агрессивное поведение беженцев: X: *výborný zdroj informácií najmä keď «Máme hlášené bezpočet znásilnění, sexuálneho zneužití», Milan to je na stránku prečo ľudom hrabe, Y: čo sa Ti nepáči na zdrojoch TASR a Women for Women Refugee.*

В рамках словацкого дискурса в риторике защитников проиммиграционной позиции появляется в качестве доминантного *argument per analogiam* ссылка на иммиграционные потоки словаков, которые в своё время сами уезжали за границу и оказывались в позиции экономических или политических эмигрантов (в рамках экономической эмиграции в Америку на переломе XIX–XX столетий, позже в волне политической эмиграции времён социализма или современной экономической миграции в рамках ЕС), сравните и шуточную реплику, в которой встречается данная аналогия с личными нападениями: *Ja držim palce Británii, aby ju nerozvrátili vypatlaní ekonomickí migranti ako Tibor.* В качестве ответа на анти-иммиграционную риторику, оперирующую мотивом угрозы ислама, выступает в репертуаре защитников иммигрантов и *argument e concessio*, апеллирующий к тому факту, что негативное отношение к иммигрантам идёт против принципов христианского общества, которых было бы необходимо нам всем, как его представителям, придерживаться: *«nenávisť ťa doviedla do bodu, že radšej Ťi nenávidení utečenci nech skapú doma vo vojne, vo vojne proti civilizácii vo vojne, ktorá ich ženie z domoviny, gratulujem keď kresťan zavrhne kresťana pre strach z nepoznaného».*

С точки зрения выразительности и идейности важной составляющей анти-иммиграционной аргументации является использование типичных модализаторов, выражающих правдивость и уровень убеждённости. Позиция самосохранения считается реальной, естественной, подтверждается аналогией с биологическим инстинктом самосохранения (*«Ved' aj tá zver v prírode si chráni svoje územie pred inými jedincami pre zabezpečenie podmienok života pre seba a svojich potomkov»*). С другой стороны, сочувствующая позиция поддержки части европейских политиков с данной позиции квалифицируется как *либеральная* и *сумасшедшая*. Из цитаты из обраще-

ния президента явствует, что и проиммиграционный аргументационный дискурс использует подобную стилистическую стратегию аналогии с биологической сферой, когда о человечности он говорит как об основном инстинкте (сравни цитирование выше).

В заключении можно подвести итог, что образ аргументационного диалога в дискуссионных интернет-форумах невозможно интерпретировать без принятия во внимание интертекстуальных связей, поскольку ментальная составляющая сильно укоренена в политическом мировоззрении и медиальных текстах комментаторов, которые являются источником не только информации, но и позиций, далее репродуцируемых в дилетантских дискуссиях, здесь можно идентифицировать симптом эха – некритического повторения чужих аргументов без последующего подведения интеллектуальных итогов. Инвенция данных диалогов не состоит ни в развитии идеи, ни в проверке фактов и поиске последующих доказательных аргументов, что в определённой мере свойственно в случае политической аргументации. Об инвенции и вариациях можно говорить в основном на уровне выразительности в подобии экспрессивизации, образования инвенционных сравнений – что является доминантным предметом интереса стилистики. Образная стилизация при этом среди известных ораторских составляющих – логоса, пафоса и этоса – способствует главным образом пафосу.

Литература

- Aristoteles 1980, *Poetika. Rétorika. Politika*, preklad M. Okál, P. Kuklica, Bratislava: Tatran.
- Aristoteles 2009, *Rétorika*, preklad Peter Kuklica, Martin: Thetis.
- Bartošek J., 1999, *Jazyk žurnalistiky, Český jazyk na přelomu tisíciletí*, Praha: Academia, s. 42–67.
- Bartošek J., 2007, *Přesvědčování a manipulace v politické žurnalistice, Od informace k reklamě*, Ostrava: Ostravská univerzita, s. 51–104.
- Bočák M., 2010, *Keď poznanie dáva zmysel: diskurz ako konzistentná sústava reprezentácií*. Dostupné na: <http://michalbocak.weebly.com/diskurz-a-reprezentaacutecia.html>
- Conley T. M., 1990, *Rhetoric in the European Tradition*, Chicago and London: The University of Chicago Press.

- Čmejrková S., 2003, *Mediální rozhovor jako žánr veřejného projevu. Jazyk, média, politika.* – S. Čmejrková, J. Hoffmannová, *Jazyk, média, politika*, eds., Praha: Academia, s. 80–115.
- Čmejrková S., Hoffmannová J., 2012, *Intertextualita a její podíl na vyjednávání pozic účastníků talk show, Slovo a Slovesnost, 73, č. 4, s. 263–284.*
- Dolník J. a kol., 2015, *Cudzost' – jazyk – spoločnosť*, Bratislava: Iris.
- Gadamer H. G., 1999, *Člověk a řeč. Výbor textů*, překlad J. Sokol, J. Čapek, Praha: Oikoymenh.
- Gahér F., 2003, *Logika pre každého*, 3 doplnené vydanie, Bratislava: Iris.
- Habermas J., 2011, *Teória jazyka a východiská sociálnych vied. Úvodné štúdie a dodatky k teórii komunikatívneho konania*, preklad Igor Hanzel, Bratislava: Kalligram.
- Heinrichs J., 2010, *Rétorika pro každého. Co nás mohou Aristoteles, Lincoln a Homer Simpson naučit o přesvědčování*, preklad Jana Doleželová, Brno: Computer Press.
- Hoffmannová J., 1997, *Stylistika a současná situace stylistiky*, Praha: Trizonia.
- Hoffmannová J., 2003, *Veřejné mluvené projevy v Poslanecké sněmovně: humorný konflikt a konfliktní humor. Jazyk, média, politika.* – S. Čmejrková, J. Hoffmannová, *Jazyk, média, politika*, eds. Praha: Academia, s. 40–79.
- Hra, věda a filosofie*, 2006, Sborník příspěvků. Nosek J., ed. Praha: Filosofia.
- Jeffries L., McIntire D., 2010, *Stylistics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kraus J., 2004, *Rétorika a řečová kultura*, Praha: Karolinum.
- Kraus J., 1998, *Rétorika v evropské kultuře*, Praha: Academia.
- Kraus J., 2003, *Vyjádřování polemičnosti a významových opozic v politickém diskurzu. Jazyk, média, politika.* – Čmejrková S., Hoffmannová J., *Jazyk, média, politika*, eds., Praha: Academia, s. 13–39.
- Lotko E., 2004, *Kapitoly ze současné rétoriky*, Olomouc, s. 117–130.
- Mistrík J., 1997, *Štylistika*, Bratislava: SPN.
- Nakonečný M., 2009, *Psychologie osobnosti*, Rozšířené a prepracované vydání, Praha: Academia.
- Orgoňová O., Bohunická A., 2009, *Televizní politický dialog jako hra. Ty, já, oni v jazyce a v literatuře. 1. díl – část jazykovědná. Mitter P., ed. Ústí nad Labem, s. 38–47.*
- Quintilianus Marcus Fabius, 1985, *Základy rétoriky*, Praha: Odeon.
- Simpson P., 2004, *Key Concepts in Stylistics.* – *Stylistics. A resource Book for Students*, London and New York: Routledge, s. 1–48.
- Slančová D., 2003, *Východiská interaktívnej štylistiky. (Od eklekticismu k integrácii.)*, *Slovenská reč*, 68, č. 4, s. 207–223.
- Toulmin S., 1964, *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Walton D., 2007, *Media Argumentation. Dialectic, Pesuasion, and Rhetoric*, Cambridge: Cambridge University Press.

Wilson J., 1990, *Politically Speaking. The Pragmatic Analysis of Political Language*, Oxford–Cambridge: Basic Blackwell.

Stylistics and rhetoric: focused on media discussions about refugees

In the study we pay attention to the interactive stylistics, with emphasis on the monitoring of language use by people, who are viewed from an interdisciplinary perspective in order to maximally understand their communication practices (including understanding of language). We are interested in how such a science relates with practical rhetoric as the art of good and convincing verbal communication across the three modes of persuasion (logos, ethos and pathos), as well as in the fact which particularities repose in any of the disciplines. The background for such exploration is represented by the real argumentations of common people in internet discussions about refugees in the Slovak mass media in 2015.

Keywords: *stylistics, deliberative rhetoric, everyday discourse, public discourse, persuasion, argumentation.*